

Сагин-Гирей

Волею вселенского

начала . . .

Цель поэзии – поиск Истины. Этим заняты многие, в особенности ученые. Но если исследователи руководствуются вопросом «почему?», то поэты без обвиняков на первый план выдвигают вопрос «как?». Оттого любое хорошее стихотворение – это не только прихотливое движение мысли, но и сотворение песни, а если еще шире – мира!

Предлагаем читателю окунуться в мир известного казахстанского поэта, друга нашего журнала, любезно предоставившего для публикации подборку стихотворений, написанных в последнее время. Сагин-Гирей – один из рыцарей литературы, провозглашенный в 2007 году в Алматы «Королем поэтов» с вручением символа в виде Большого Ониксового Яблока.

* * *

Веселый костерок Плеяд в ночи
между началом
и концом творенья
хрустальной
сладкой музыкой звучит,
соединяя вечность и мгновенье.

И чуда этого свидетель,
ты –
как все, кто запрокинув лики в небо,
стоит с сознанием звездной высоты,
забыв заботу
о насущном хлебе.

Она напомнит властно о себе
быть может, завтра –
в суете делишек.
Но в этот час тоскливый плен цепей
ты рвёшь
и к Тайне пододвинут ближе.

И если даже то –
самообман,
душе так верить хочется, что вскоре
в костре Стожар,
перед открытой дверью
в мир Абсолюта
сгинет балаган
всесветной лжи.
И – воссияют зори.

31.08.2014 г.

ГРУШОВАЯ

На Грушовой жил писатель Зверев.
На Грушовой были сплошь сады.
И никто сегодня не поверит,
что вышагивали здесь деды
и ходили горделиво бабки,
ладя деревенский свой уют.
У калиток здесь стояли лавки,
был здесь сквер общественный и пруд.
И река привольно протекала.
Не река, а реченька, но с ней
жизнь степенная приобретала
свой бесценный смысл, свой апогей.

Маленьким, разумным государством
к городу огромному квартал
зеленью садов, ансамблем красок
тех подворий прочно примыкал.
И приятно было от проспектов,
от парадных улиц центральных
попадать сюда, где был ты Некто,
значим делался в глазах своих.
Да и жители с тобой считались,
привечая головы кивком.
И молодки – не клади в рот палец! –
шли лебедушками, не бочком.

Тут ты спрашивал: «А где писатель,
знаменитый Зверев здесь живет?»
Сам же был писателю приятель
и стоял уж у его ворот.
Девы из прекрасного предместья,
отсмеявшись, отвечали: «Здесь!»
И на смех тот человек известный

выходил – простой, открытый весь.
И чаи гонялись на веранде,
разговор неторопливый шел...

... Всё ушло и не придёт обратно.
Новой жизни всюду производил:
на Грушовой улице громады
небоскребов, старое круша,
на садах взметнулись. Ну а взгляды
мимоезжих режут без ножа...

05.04.2007 г.

* * *

Одну религию приемлю –
острее, может, всех других:
любить отеческую землю
среди яростных бросков своих
к иным пределам
и дорогам,
которых жаждет гордый дух,
чтоб, возвратясь,
под взглядом строгим
Основ
перевести свой дух.

И в тишине,
почти молитвенной,
услышать Шторма грозный глас...
...И, исцелившись,
снова выдвинуть
корабль судьбы
на вечный галс.

31.05.2014 г.

НА СМЕРТЬ АКТРИСЫ

Чаровала планету когда-то
диковатой своей красотой...
Но летят журавли на закате
то ли этой,
то ль той стороной.

Знать, еще одна скрылась легенда,
машет ручкой за Стиксом
всем нам.

Сколько поводов для сантиментов,
сколько в яви разыгранных
драм.

И подумать: как это ужасно,
и от острой тоски побледнеть
пред картиной Ухода прекрасной,
где мешается с золотом медь...
11.05.2014 г.

ПЯТЫЙ РИМ

*Был первый Рим, второй и третий.
И все они в пыли простерты.
И на крутом краю столетий
уже качается четвертый.*

Д. Самойлов. 1969 г.

... И Рим четвертый канул в вечность,
основанный на зыбкой правде,
седой, как вековая млечность
путей,
искомых счастья ради.

Пускай неистово тоскуют
по нем одни,
клянут другие, –
настанет пятый Рим.
Такую
несут нам весть года лихие.

В сверкающих огнях Прогресса
культуру топчет новый варвар.
Но в душах,
хаос их прорезав,
встает светило нашей кармы –

быть под водительством державы,
чей дух окажется мощнее
в преддверьи Эры Водолея,
конца и возрождения нравов.

Волчица ли соски подставит
грядущим Ромулу и Рему?
Или другое что?
Но славен
да будет мир своей системой
людских,
мирских,
природных связей,
где Совесть будет не распята...

... Мечта в садах,
под сенью вязов,
уже живет в том
Риме пятом.

14.06.2014 г.

ТУРАНСКИЙ ТИГР

«Водился здесь недавно этот зверь –
в последевовских прибалхашских
зарослях.

Вид царственный! Не уступал, поверь,
по красоте амурскому,
бенгальскому!»!

Так говорил мой дед, сын Октября,
сын перемен,
но тот еще – из критиков.
И за извод звериного царя
не одобрял тогдашнюю политику.

«Здесь надлежало быть бы
заповеднику! –
в сердцах он восклицал. – Да вот
победами мы увлеклись,
победками:
медеплавильный подняли завод!

На сотни верст он смрадно задымил
и расшугал всю живность тут
окрестную.

И тигр ушел, покинул все, чем жил.
И выжил ли и где он – неизвестно...»

Прошло полвека, и жива едва
легенда зыбкая о тигре нашем.
Да что легенда! Жалкие слова,
когда под ту же дудку дальше
пляшем.

Уже, считай, сайгаков тоже нет,
отрадой глаз бродивших здесь стадами.
И многого другого!
Прав был дед:
всех истребим!
И с носом будем сами...

30.07.2014 г.

ИСТУКАНЫ

Входят в моду каменные лица.
Аж на операцию идут,
чтобы после молча погордиться:
гляньте-ка – а мимике капут!

Ни один уже не дрогнет мускул.
Маска вместо облика. Ура!
Сделал навсегда перезагрузку
умник, бывший дураком вчера.

Нынче ничему не удивляться,
ни на что не отзываться – есть
набалдашник крепкий людознатца.
И встречает он любую весть –
каменно, надменно,
словно памятник
(надо думать – самому себе!)
Так удобнее – с морозом, с заматью
на лице
в великой Шкур борьбе.

И боюсь, что в мире истуканов
будем завтра мы – живые! –
жить...

Остров Пасхи в южном океане
не об этом ли собраньем странных
изваяний
память сторожит?

12.12.2014 г.

ФРАНСУА ВИЙОН

Ни толком имени его не знаем,
ни жизни, канувшей в златую тьму.
Но Франсуа Вийон неподражаем!
И ясность фактов вроде ни к чему.

Был разбивателем сердец и лбов,
разбойником, хулителем кумирен,
сидельцем, вором...
А в веках любовь
живет к нему во Франции
и в мире!

И виртуозный сочный этот стих
романтика, кутилы и бродяги
у многих ныне –
в меру дара их! –
святая подобное рождает тягу.

Куда там!
Это нам не по зубам.
Гадая над феноменом Вийона,
грустим слегка о том,
что время оно,
век менестрелей
не вернется к нам...

10.06.2014 г.

* * *

Отец прошел Войну.
В боях за Будапешт
имел контузию.
И умер рано.
Перед толпой беспамятных невежд
стою теперь –
и их словами ранен.

За что, мол, воевали и зачем
все эти жертвы призрачной идее?
Прошла она, в разряд мифологем
вошла и та держава вместе с нею.

Такие извращения на Земле,
Такое блудоумие потомков...
И людям чести нету тяжелей
заняться –
разгонять мозгов потемки.

Но надо! Надо! Ибо если зло
одержит верх над нашим славным
прошлым,
считай, и будущему не повезло
с насельником его –
тупым и пошлым.

Он правду всю забвению предаст.
Кормиться будет беспробудно ложью.
И будет еще более горазд,
чем эти нынешние,
подлость множить.

Перед толпой внушаемых невежд,
в стан вражеский направившихся
стадом,
мне –
как отцу за город Будапешт –
за все святое
биться снова надо.

17.10.2014 г.

* * *

Мне выпала доля жить в веке XX.
И в XXI пытаюсь продолжить
свое общежитье с двуногим тем стадом,
что движется вдаль,
ничего не итожа.

Каких-то ублюдков себе выбирает
оно в жоаки
и, мечтая утробно
о рае, для каждого маленьком рае,
рискует пасть в войнах
междоусобных.

Исчезнуть, снедаемо ржавчиной
Блага,
Химерой, какую себя окружило.
Бредут под пещерным, из древности,
флагом,
по-прежнему славя не совесть,
но силу.

А те, кто поднялся до высшего
знания,
хотел повлиять бы на время и
нравы,
живут, обреченные Роком заранее,
той стадности стиль никогда не
поправить.

Возможно, не входит то в план
Демиурга!
Но, силы небесные, нас извините.
Нам жизненно важно,
среди сонма событий,
чтоб садом зеленым,
не траурной урной,
вращалась под звездами наша обитель.

Мы будем пытаться!
и смысл весь в этом.
А с Богом поладить оставим поэтам.

2014 г.

ФРАНЦУЗЫ АЗИИ

Нет, не французы мы. Хотя зовут
нас Азии французами – казахов.
Мы женщине не расточаем ахов.
Нам быть галантными – тяжелый труд.

И в транспорте ей места не уступим.
Пошлем челночить и стога метать.
И пусть по-своему подруг мы любим,
опять то будем делать и опять.

А если кто-то укорит – вздыхаем:
такой у нас природный обиход.
Замужество степнячке будет раем,
когда добытчик что-то в дом несет.

Французскости в нас нет. Но амазонкам
просторов здешних это ни к чему.
Зато умеем под домброю звонкой
мы гимны петь уделу своему.

Зато привыкли женщину мы вровень
с собою ставить в жизни кочевой.
Расклад тот в прошлом.

И теперь мы строим
уклад, что не оставит нас собой.

Но и тогда мы вряд ли, как французы,
им лестью облегчив дурман оков,
до кукол женщин низведем и сузим
им вольницу степную – дар веков.

16.07.2014 г.

* * *

Да, было: самозванный Старший Брат
всем младшим навязал свой вкус
и строй.

И вел куда-то к Свету наугад,
хотя завел их в мифы и застои.
Но честно обманулся он и сам.
В итоге схлопотал сплошной обвал
всего, чем жил, за что сполна страдал
не меньше братьев...

Но закрыт Сезам.
Утоплена Утопия совсем
в гигантской пене низменных страстей.
И Старший Брат остался при своей
беде
и новых мифов бесовстве.

У бывших младших тоже завелись
когорты бесов
и мозги мутят,
зовя в религии, феодализм,
к каким-то светам – тоже наугад.
А самозванный новый Старший Брат –
за океаном –
распростер свой щит
над ними
и прибрать их норовит,
считает, как по осени цыплят.

И лишь поэт в сиянии Луны,
лаская тихим взглядом грустный мир,
о Братстве на Земле,
где все равны,
мечтает.
И волнует тем эфир...

23.03.2007 г.

БАЛЛАДА О БОРЦЕ*Памяти М.И. Исиналиева*

Живым был человеком – стал
городскою улицей.
И улица окраины еще сильнее
сугулится
от памяти, в народе легендой
быть достаточной...

Записан был детдомовец-малыш
Михал Иванычем.

Он выучился. Делу отдался
полной мерой
и сделал в той державе
высокую карьеру.

К нему тянулись люди. Всем
сердцем с ними вместе,
решал он их проблемы по совести
и чести.

Печатно и изустно со всем,
что было плохо,
боролся, не колебля основ
родной эпохи.

А в новую и шкурную он стал
борцом с режимом.
Опасным – ибо был он борцом
неустрашимым.

Попортил много крови вождям
и нуворишам,
что сделали народ свой
в момент предельно нищим.

Не предал ни на йоту он прежних
идеалов.

Не покупался! Это-то врагов
его пугало.

В итоге поплатился борец своею
жизнью.

Инфаркт! А что за этим – поди,
попробуй, вызнай!

... Но лицемерно все же, спустя года,
назвали
тем именем хоть улочку – у самых
гор, в начале.

А он, душой великий, как горная
вершина,
живет в своем народе, в его
святых глубинах...

02.08.2014 г.

ВОЖДЬ

После просмотра фильма
«Девять жизней Нестора Махно».

... Пришел его в подвале убивать
такой же эмигрант, но лютый враг.
– Ну, что ж, давай, полковник.
Исполать!
Давно пора – после бесславных
драк.

Хоть оба проиграли – всё равно:
барьер один, и с разных мы сторон.
Стреляй же, вышибай мне душу вон.
Зачем ты медлишь – мы же
не в кино!

Но взор пришедшего пронзает
дрожь:
в углу – портрет его родной сестры.
– Будь проклят, гуляйпольских татей
вождь!
И здесь ты спутал правила игры!

Лежи и в вони этой подыхай,
не замараю я твою любовь.
Ты пролил родовую нашу кровь
в войне за призрачный
крестьянский рай.

В итоге получил ты тоже шиш.
Вот-вот сожрет тебя туберкулез.
Прощай, грызи предсмертный
свой вопрос:
«Кто мы без Родины? Что нам
Париж?»

Растаял он в объятьях темноты.
А бывший вождь потерянно
смотрел,
как со стола графини той черты
летели с ним в последний
их предел.

21.07.2007 г.